
Анатолий ДОМАШЁВ

* * *

Пусть будет все в портрете,
как было — без прикрас,
пусть будут наши дети
красивей, лучше нас,
пусть ветры-годы свищут
с бессмертной высоты,
пусть дети в нас отыщут
прекрасные черты,
а мы — какими были,
такими и снимай,
снимай, фотограф, или —
мгновение, прощай!

БАЛЛАДА О КОРАБЛЯХ В ОКЕАНЕ

Когда поутру океан — как атласный
и солнце сквозь дымку восходит из скал,
я вижу: корабль невесомо-прекрасный
безмолвно скользит среди вод и зеркал.

Стальная громада, взметенная в небо
уступами палуб, надстроек, антенн,
ковшами радаров, нацеленных в недра,
невидимых высей, глубинных арен.

Безмолвно, безлюдно, воды не колыша,
как будто бы мертвый, по морю — металл.
Но в рубках, но в трюмах — и дышат, и слышат,
и знают, когда зарождается шквал.

Лишь только радары нащупают цели,
лишь только коснется ладонь рычагов,
и ожили рубки, турбины запели,
секунда — и к бою корабль готов!

Анатолий Филиппович Домашёв родился в 1938 году в пос. Синявино Ленинградской области. Окончил Ленинградский кораблестроительный институт (1970). Первые стихи опубликовал в студенческой многотиражке ЛКИ «За кадры верфям» (1957). Стихи, переводы (с грузинского, польского, сербскохорватского, финского), палиндромы и эссе печатались в различных журналах, альманахах, антологиях, сборниках, электронных изданиях России и зарубежья (Англия, Германия, Канада, США, Черногория). Автор семи поэтических книг. Член Союза писателей XXI века. Лауреат премии журнала «Зинзивер» (2011, 2016). Живет в Санкт-Петербурге.

По гулким, стальным по его коридорам,
каблуками ботинок об сталь грохоча,
в негнущихся робах — к постам и приборам
матросы бегут, на бегу клокоча.

И летчик красивый, как ангел небесный,
привычно захлопнув прозрачный «фонарь»,
поднимет над палубой тяжеловесный
свой ЯК, от восторга дрожа, как дикарь.

Расколется небо, расступится море,
сверкнет над водой раскаленный металл,
пульсируя огненным смерчем... И горе
на миг покачнется в глубинах зеркал.

* * *

Жизнь в кабале или быт в конуре,
не помереть бы слепыми.
Красными были мы все на заре,
стали к закату — седыми.

Может, успею, может, спою
я свою лучшую строчку.
Хором мы пели на съездах, в строю,
каяться всем — в одиночку.

* * *

На четверых по двести пятьдесят —
какая прелесть!
Кто говорит, что водка — яд?
Не верьте — ересь.

На четверых... Ведь это литр!
Да вам не много ль?
Но кто, скажите, тут арбитр,
как не алкоголь?

По дубнячку, по коньячку,
да хоть бы херес —
и пикничок под табачок —
какая прелесть!

Потом еще на посошок
по процедуре —
и сам с вершок, и шей горшок,
и все — в ажуре.

* * *

Мне жалко и красных, и белых,
стою между ними, как перст,
летят в меня пули и стрелы,
пронзают звезда или крест.
Вплотную бушуют пожары,
и рубится на смерть народ.
Добро б нападали татары —
на русского русский идет!
И битва все ближе и ближе,
нельзя мне стоять в стороне:
своих побивают свои же,
воюют не чуждые мне.
Бушует и мечется пламя,
и бьются, и гибнут бойцы,
и падают ниц под ногами
и честные, и подлецы.
И каждый и колет, и рубит,
и хочет, чтоб я с ними встал,
но сердце мое уже любит —
я Русскую землю избрал.

МАЛЕНЬКАЯ БАЛЛАДА О КОНЕ

За хулой или за славой
всадник птицей в бой летит.
Конь не знает, кто им правит,
кто на нем в седле сидит.

Конь летит за боем следом,
не умея предавать.
Страх в бою коню неведом —
побеждать ли, умирать.

Нет ни бедных, ни богатых,
ни своих и ни чужих...
Конь уже — почти крылатый
среди мертвых и живых.